

Мережковский Дмитрий Сергеевич

**Тайна трех. Египет и
Вавилон**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Сергеевич М.**
Тайна трех. Египет и Вавилон / Мережковский Дмитрий Сергеевич – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 365 с.

ISBN 978-5-519-96277-3

ISBN 978-5-519-96277-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НЕБЫВАЛОЕ

I

Слава Пресвятой Троицѣ! Слава Отцу, Сыну и Духу! Слава Божественному Трилистнику!

II

Попробуйте войти въ современное приличное общество и перекреститься: въ лучшемъ случаѣ, васъ примутъ за съумасшедшаго, а въ худшемъ — за шарлатана.

Я не шарлатанъ: то что я сейчасъ дѣлаю, для меня слишкомъ невыгодно. Всякій пишущій хочетъ имѣть читателей, потому что не добро быть чело-вѣку одному, и, особенно, въ религіи. Всякій пишущій любитъ книгу свою, какъ дитя свое, а въ глазахъ почти всѣхъ моихъ читателей я уничтожаю книгу мою, какъ бы сжигаю, ставя на ней крестъ во имя Трехъ.

Но что же дѣлать? Я не могу поступить иначе. Это малая жертва тому, что я больше всего люблю и во что больше всего вѣрю.

Пусть же горитъ книга моя, дитя мое, какъ малая жертва Тремъ.

III

Я хорошо понимаю, что сейчасъ, подъ ногами того, кто говоритъ, какъ я говорю, земля проваливается, если только онъ не стоитъ на той Скалѣ, (Церкви) о которой сказано, что „врата адовы не одолѣютъ Ее“. Я не стою на Ней, или не всегда стою, иногда схожу; почему и зачѣмъ, объ этомъ послѣ, а сейчасъ скажу одно: для стоящихъ на Ней уже безразлично, что земля проваливается, и міръ погибаетъ. „Царство Мое не отъ міра сего“, такъ именно поняты эти слова на Скалѣ. Я ихъ не такъ понимаю: для меня не безразлично, что міръ погибаетъ. Я знаю, что нѣтъ иной Скалы и что стоящіе на Ней спасутся; но также знаю, что такимъ, какъ я, нельзя иначе спастись, какъ съ погибающимъ міромъ.

IV

А все-таки зачѣмъ писать, когда читать некому? Буду откровененъ. Прежде всего я пишу для себя. Нѣтъ большей радости чѣмъ радость познанія, хотя бы одинокаго. „Не добро быть человѣку одному“, но даже это недоброе побѣждается этою радостью.

Радость познанія есть радость силы, а сила измѣряется движеніемъ по линіи наибольшаго сопротивленія. Пусть я говорю не такъ, какъ надо, и не то, что надо; но я говорю не то, что всѣ. Вообще христіанство, со Скалы сходящее, и, особенно, невидимая часть христіанскаго спектра — Троица, Тайна Трехъ — и есть сейчасъ линія наибольшаго сопротивленія.

А затѣмъ, я пишу для тѣхъ немногихъ, кто, можетъ быть, меня прочтетъ. По слову Гераклита Темнаго: „многіе плохи, немногіе хороши“. И еще: „одинъ для меня десять тысячъ, если онъ лучший“. Можетъ быть, мнѣ простятъ, что я считаю моихъ немногихъ читателей лучшими, и что они для меня дороже безчисленныхъ.

И, наконецъ, всякій пишущій имѣетъ право надѣяться, что пишетъ не только для современниковъ. Вѣдь и плохая книга можетъ оказаться историческимъ памятникомъ, свидѣтельствомъ о томъ, чѣмъ люди жили. Смѣю надѣяться, что я жилъ моею книгою, и притомъ, въ обстоятельствахъ необыкновенныхъ — въ великомъ разрушеніи не только моей страны. Я очень бы хотѣлъ ошибиться, но мнѣ все больше кажется, что не только нашъ русскій, но и всемірный корабль тонетъ. А когда человѣкъ съ тонущаго корабля кидаетъ въ море бутылку съ письмомъ, то надѣется, что кто-нибудь найдетъ его и прочтетъ.

V

Каждое время считаетъ себя единственнымъ и отчасти право. Въ каждомъ времени есть то, чего никогда еще не бывало и никогда уже не будетъ. Въ чемъ же единственность нашего времени?

Въ столкновеніи великой религіозной истины съ великою религіозною ложью. Сейчасъ ложь и истина схватились въ такой смертельной схваткѣ, какъ еще никогда. Міръ дошелъ до какой-то крайней точки, до какого-то вершиннаго острія, а ктѣ, и весь на немъ колеблется, какъ на остріѣ ножа.

VI

Для нашей религиозной истины у насъ нѣтъ словъ. Слово „соціализмъ“ невѣрное: вѣдь существо соціализма — атеизмъ, отрицаніе религіи. Вѣрнѣе было бы назвать эту нашу безсловесную истину, или томленіе объ истинѣ, соціальною проблемою, религиозною жаждою общественной правды. Міръ томится ею смутно, глухо, нѣмо, но такъ неутолимо, какъ еще никогда. Жажда пополяетъ его, какъ пожаръ сухую степь. Міръ понялъ или почувалъ, что именно здѣсь, и только здѣсь, въ проблемѣ соціальной, въ вопросѣ не объ одномъ, а о всѣхъ, не о Личности, а объ Обществѣ, заключается проблема проблемъ, узелъ узловъ, тайна тайнъ. Можетъ быть, Эдипа пожретъ Сфинксъ, но обойти его нельзя. Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, новое, небывалое движеніе чело-вѣческаго, и не только чело-вѣческаго, Духа. Вѣдь потому-то міръ и отвергъ религію вообще и христіанство въ частности, что рѣшилъ окончательно, — вѣрно или невѣрно, это другой вопросъ — что для соціальной жажды въ христіанствѣ нѣтъ воды.

VII

Для нашей религиозной лжи у насъ есть слово: атеизмъ. Атеизмъ, отрицаніе религіи съ религиозною жаждою соціальной правды — это противорѣчіе не мое, а міра. Развѣ мы не видимъ, какъ соціалистическій атеизмъ становится новою вѣрою? „Я вѣрую, что Бога нѣтъ“, исповѣдуетъ бѣсноватый Кириловъ въ „Бѣсахъ“ Достоевскаго.

Это даже больше, чѣмъ противорѣчіе, это — безуміе. Жажду Бога человѣкъ утоляетъ безбожіемъ: такъ умирающій отъ жажды вскрываетъ себѣ жилы и пьетъ свою кровь; но не утоляетъ, а разжигаетъ жажду жгучая соленость крови.

VIII

Нашъ атеизмъ небывалый, единственный.

Атеизмъ личный всегда былъ и будетъ, какъ всегда была и будетъ личная религія. Одни люди вѣрятъ въ Бога, другіе — нѣтъ. И тѣ, кто молится: „помоги моему невѣрію“, можетъ быть, вѣрятъ больше другихъ. Чѣмъ же нашъ атеизмъ небывалый? А вотъ чѣмъ.

Отъ Эпикура до Лукреція уже замкнутъ кругъ атеизма личного; дальше и мы не пошли; но мы идемъ дальше въ атеизмъ общественномъ. Древніе — только для себя и про себя безбожники; ихъ атеизмъ — „частное дѣло“, *Privat-Sache*, какъ лукаво выражаются соціалъ-демократы, готовя торжество атеизма, какъ дѣла общаго, соціальнаго. Вопреки всѣмъ религіознымъ отрицаніямъ, частнымъ и личнымъ, древнее общество, государство, Градъ, *Polis*, остается подъ знакомъ религіи.

По Артемидору Родосскому, „нѣтъ народа безъ Бога“ (II, 35). По Гезіоду и Геродоту, „нечестіе“, *ἀσεβεια*, есть крайнее зло, корень всѣхъ золъ, личныхъ и общественныхъ; нечестивцы суть государственные преступники, разрушители Града. Филологически невѣрно, но психологически глубоко, производятъ римляне слово *religio* отъ *relegare*, „связывать“. Религія есть, въ самомъ дѣлѣ, связь, по преиму-

шеству, то, что связываетъ, скрѣпляетъ людей въ общество. Если вынуть изъ него эту скрѣпу, то оно распадается, изъ живого тѣла становится мертвою „массою“. Недаромъ именно этимъ словомъ обозначаетъ атеистическій социализмъ человѣческія множества: онъ говоритъ о нихъ и поступаетъ съ ними, какъ съ мертвыми физическими „массами“.

Вотъ это-то древнее, изначальное, естественное отношеніе частнаго и общаго въ религіи извращено, опрокинуто нами такъ, какъ еще никогда. Для древнихъ религія есть общее дѣло, безбожіе — частное, а для насъ, наоборотъ, общее дѣло есть безбожіе, а религія — частное.

Уже въ эллинскомъ и, особенно, въ эллинистическомъ язычествѣ заложена основа будущей христіанской всемірности, каѳоличности. „Елевзинскія таинства объединяютъ весь родъ человѣческій, *συνέχοντα τὸ ἀνθρώπειον γένος*“ (Претекстатъ, проконсулъ Элады, — императору Валентіану I). А Интернаціональ хочетъ объединить человѣчество въ новой атеистической всемірности. Древній Градъ — подъ знакомъ религіи, нашъ — подъ знакомъ безбожія — принудительнаго (опытъ русскихъ коммунистовъ). „Я вѣрую, что Бога нѣтъ“ — и заставляю всѣхъ повѣрить, потому что вѣрить или не вѣрить я не хочу и не могу одинъ, а могу и хочу только со всѣми.

IX

Въ томъ-то и заключается трагедія современнаго человѣчества, что вѣрить человѣкъ не можетъ одинъ. Вѣра моя безъ чужой гаснетъ, какъ пламя безъ воздуха: я долженъ зажечь другихъ или самъ погаснуть.

Христіанство не прошло человечеству даромъ: оно оставило на немъ неизгладимый слѣдъ всемірности; современный человѣкъ всеміренъ — съ Богомъ или противъ Бога; онъ выпадаетъ изъ Церкви Вселенской въ Интернаціональ.

Не здѣсь или тамъ, а вездѣ, во всемъ мірѣ, происходитъ одно и то же: религіозная атмосфера такъ разрѣжена, что нечѣмъ дышать. Кто-то дѣлаетъ страшный опытъ съ человечествомъ: посадилъ его, какъ кролика, подъ стеклянный колпакъ и выкачалъ воздухъ.

Х

Въ доисторической пещерѣ Орилляка (Aurillac) найдены остатки похоронной тризны — между прочимъ, ледниковаго носорога-сосунка. Это значить, что человѣкъ четвертичной эпохи (*époque quaternaire*) уже имѣлъ погребальные обряды и, слѣдовательно, начатки религіи. Человѣкъ и тогда уже смутно предчувствовалъ, что съ земною жизнью для него не все кончается и что религія есть не только „частное“, но и общее дѣло: иначе не собирались бы люди на похоронныя тризны.

Только что появился человѣкъ на землѣ, какъ поднималъ чело къ небу.

Os homine sublime dedit coelumque tueri.

Чело человѣку высокое далъ, да горнее узрѣть.

А наше чело поникло — мы уже не видимъ горняго. Мы ниже пещерныхъ людей.

XI

Если бы религія была физическимъ свѣтомъ, то обитатели другихъ планетъ могли бы видѣть, какъ земля свѣтилась съ четвертичной эпохи — и вдругъ потухла. Но для земного наблюдателя — не вдругъ, а за послѣдніе пять-шесть вѣковъ, отъ Возрожденія до Реформаціи, отъ Реформаціи до Революціи, отъ Революціи до нашихъ дней. Это именно тѣ вѣка „прогресса“, которыми мы особенно гордимся. По пути прогресса мы двигались быстро, летѣли, какъ брошенный камень, — и вотъ куда залетѣли.

Робокъ, нагъ и дикъ, скрывался
Троглодитъ въ пещерахъ скаль.

Троглодитъ въ концѣ прогресса. Можетъ ли это быть? Вопросъ уже не кажется сейчасъ такимъ нелѣпымъ, какъ до всемірной войны и до русской революціи-антропофагіи.

XII

... „Грезилось ему (Раскольникову), будто весь міръ осужденъ въ жертву какой-то страшной, несслыханной и невиданной моровой язвѣ, идущей изъ глубины Азіи въ Европу... Появились какія-то новыя трихины, существа микроскопическія, вселявшіяся въ тѣла людей. Но эти существа были духи, одаренные умомъ и волей. Люди, принявшіе ихъ въ себя, становились тотчасъ же бѣсноватыми и сьумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя такъ умными и непоколебимыми въ истинѣ, какъ считали эти зараженные.... Цѣлыя селенія, цѣлые города и народы заражались и сьумасшествовали. Всѣ были

въ тревогѣ и не понимали другъ друга; всякій думалъ, что въ немъ одномъ заключается истина, и мучился, глядя на другихъ, билъ себя въ грудь, плакалъ и ломалъ себѣ руки. Не знали, кого и какъ судить, что считать зломъ, что добромъ. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Собирались другъ на друга цѣлыми арміями, но арміи, уже въ походѣ, вдругъ начинали сами терзать себя, ряды разстраивались, воины бросались другъ на друга, кололи и рѣзали, кусали и ѣли другъ друга... Всѣ и все погибало" (Достоевскій, Преступленіе и наказаніе).

Для насъ это уже не бредъ, а дѣйствительность, по крайней мѣрѣ, для насъ, русскихъ. Но это можетъ стать дѣйствительностью не только для насъ.

ХІІІ

Люди другъ друга не понимаютъ и ненавидятъ до антропофагіи, — „кусаютъ и ѣдятъ другъ друга“, — потому что распалась между ними Связь, Religio, и живыя тѣла человѣческихъ обществъ превратились въ мертвыя, физическія „массы“, которыя, сталкиваясь и разрушая другъ друга, возвращаются къ древнему хаосу.

Что это за „морозная язва“, идущая на міръ, мы теперь уже знаемъ: это нечестіе, *ἀσέβεια*, крайнее зло, „преступность, какъ потребность убивать Бога“ (Weininger, Über die letzten Dinge).

Предѣлъ человѣкоубійства — война, предѣлъ войны — война гражданская, „борьба классовъ“, для социализма атеистическаго единственный методъ дѣйствія. „Вселенская церковь“ гражданской войны — всеубійства — и есть Интернаціональ.

XIV

Но надо быть справедливымъ и къ социализму: не онъ породилъ атеизмъ — онъ имъ самъ порожденъ.

Знаніе, великій даръ Божій, искажается людьми. Наука еще не знаніе, она можетъ быть и ученымъ невѣжествомъ. Позитивная наука, выбрасывая Личность, религіозное начало культуры, „не зная ни абсолютныхъ проблемъ, ни абсолютныхъ задачъ, отрицаетъ культуру“ и утверждаетъ варварство (Weipinger, loc. cit.).

Это ученое невѣжество, новое варварство, и есть общая основа атеизма, какъ буржуазнаго, такъ и пролетарскаго. По плодамъ узнаете ихъ; плодъ атеизма буржуазнаго, имперіализмъ — всемірная война международная — уже созрѣлъ; плодъ атеизма пролетарскаго — всемірная война гражданская, всеубійство — еще зрѣетъ.

XV

Научныя изобрѣтенія, чудеса механики могутъ быть „чудесами діавола“.

Робокъ, нагъ и дикъ, скрывался
Троглодитъ въ пещерахъ скалъ.

Ученый троглодитъ съ чудесами діавола — самый дикій изъ дикарей.

XVI

Наше „знаніе“ — невѣжество, наше „просвѣщеніе“ — тьма. „Ждемъ свѣта, и вотъ, тьма; озаренія, и ходимъ во мракъ. Осязаемъ, какъ слѣпые,